

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Направление «Филология»
Образовательная программа «Отечественная филология (Русский язык и
литература)»

Воробьева Виктория Александровна

АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЕ ПИСЬМО В РОССИИ КОНЦА 1830-Х —
НАЧАЛА 1840-Х ГОДОВ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПУБЛИКАЦИЙ В ЖУРНАЛЕ «ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ
ЗАПИСКИ»)
Выпускная квалификационная работа
Бакалавра филологии

Научный руководитель: к. ф. н., доц. Зубков Кирилл Юрьевич
Рецензент: к. ф. н., доц. Мовнина Наталья Савельевна

Санкт-Петербург
2017

Оглавление

Generating Table of Contents for Word Import ...

Введение

Автобиографический жанр является довольно маргинальным ввиду своего «пограничного» положения между литературой и нелитературой. Будучи довольно неоднозначным материалом со сложной спецификой, автобиография заслуживает особого внимания.

Автобиографическое письмо в России не раз становилось объектом изучения. Материал XVIII века анализировался в разных аспектах, например, с точки зрения общего развития русской прозы того века в работе М. Ю. Билинкиса.¹ Тексты XVIII столетия (некоторые из которых появились в печати гораздо позже — начиная с 1830-х годов) рассматривались также с точки зрения исторического сознания XIX века (в связи с повышенным интересом общественности к историческому документу в 1830-1840-е годы) в работе А. Г. Тартаковского.²

Автобиографические тексты начала XIX столетия сами изучались как исторические документы,³ а «женская» их часть исследовалась с точки зрения гендерной специфики.⁴ Однако работ, посвященных рефлексии автобиографического письма в литературном сообществе или анализу существующих автобиографических стратегий, на русском материале нет.

На русском языке довольно мало работ, посвященных теории автобиографического повествования. Из наиболее крупных следует выделить работы Л. Я. Гинзбург⁵ и Ю. П. Зарецкого.⁶ Для нашего исследования важной будет работа Л. Я. Гинзбург, которой мы будем руководствоваться для определения особенностей автобиографического повествования.

---

¹ Билинкис М. Ю. Русская проза XVIII века: Документальные жанры. Повесть. Роман. СПб., 1995. 102 с.

² Тартаковский А. Г. Русская мемуаристика и историческое сознание XIX века. М., 1997. 357 с.

³ Там же.

⁴ Савкина И. Л. Разговор с зеркалом и Зазеркальем: Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века. М., 2007. 416 с.

⁵ Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. М., 1999. 415 с.

⁶ Зарецкий Ю. П. Стратегии понимания прошлого: Теория, история, историография. М., 2011. 384 с.

Как пишет Гинзбург, автобиографическому повествованию присуща «установка на подлинность»,⁷ на ощущение реально бывшего, возникающее у читателя за счет референциальности авторского «я». С выражением «установка на подлинность» соотносится термин французского структуралиста Филиппа Лежена «автобиографический пакт»; он представляет собой своеобразный контракт с читателем, заключающийся в утверждении в тексте идентичности автора, нарратора и протагониста,⁸ причем последнее не обязательно означает фактическое сходство.

В качестве **объекта** исследования выступают существующие в 1840-е годы модели автобиографического письма: модели, чьим зарубежным источником можно назвать «Исповедь» Руссо, а также гегельянская модель автобиографизма, отвечающая интересам к трудам Гегеля отдельных интеллектуальных кругов в этот период.

Предметом исследования являются публикации в журнале «Отечественные записки» за 1840-1848 гг. В это время широко публикуются мемуары прошлого столетия, такие тексты появляются и на страницах «Отечественных записок» — «Записки князя Юрия Владимировича Долгорукова»,⁹ «Дневник камер-юнкера Берхгольца».¹⁰ В журнале также появляются критические статьи, написанные на публикующиеся автобиографические сочинения XVIII и XIX столетий. Множество подобных критических статей и рецензий было написано В. Г. Белинским, чья литературно-критическая деятельность в «Отечественных записках» приходится на 1840-1846 гг.

В 1840-е годы также впервые публикуются мемуары XIX века (написанные с расчетом на публикацию); такие тексты, однако, в «Отечественных записках» не публиковались. Зато на страницах журнала

---

⁷ Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. М., 1999. С. 7.

⁸ *Lejeune Ph. On Autobiography // Theory and History of Literature. Vol. 52. Minneapolis, 1989. P. 14.*

⁹ Долгоруков Ю. В. Записки // Отечественные записки. 1840. №12. Отд. II. С. 39-46.

¹⁰ Берхгольц Ф. В. Дневник камер-юнкера // Отечественные записки. 1843. №1. Отд. II. С. 1-30.

появляются произведения, каждое из которых сложно назвать автобиографией или повестью с полной уверенностью, — это «Записки одного молодого человека» А. И. Герцена 1840-1841 гг. и «Записки человека» А. Д. Галахова 1847-1848 гг.

В рецензиях и статьях «Отечественных записок» не проводится терминологического различия «мемуаров», «исторических документов» и «записок», в текстах эти термины взаимозаменяемы. По этой причине и для нас эти различия будут нерелевантны.

Цель исследования — выделить и проанализировать существующие модели автобиографизма на материале текстов «Отечественных записок».

В соответствии с целью исследования нами определены следующие **задачи**:

1. проанализировать рефлексию автобиографического жанра в критике журнала «Отечественные записки»;
2. выделить особенности автобиографического повествования в произведениях, опубликованных в «Отечественных записках»;
3. соотнести рефлексию с практикой автобиографического письма в журнале;
4. сделать выводы о моделях автобиографизма в 1840-е годы.

Новизна исследования обусловлена отсутствием каких-либо работ, посвященных анализу разных автобиографических моделей, существующих в начале XIX века.

Работа состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы. В первой главе мы проанализируем критические статьи и рецензии на появляющиеся в печати автобиографические сочинения, чтобы установить, как критики «Отечественных записок», в частности В. Г. Белинский, понимали автобиографические тексты. Во второй главе

рассматривается автобиографическая модель в «Записках одного молодого человека А. И. Герцена. В третьей главе анализу подвергается автобиографическое повествование в произведении А. Д. Галахова «Записки человека». В заключении делаются выводы о перспективах настоящего исследования.

Глава 1. Автобиографическое письмо в критике журнала «Отечественные записки»

В этой главе мы рассмотрим критические статьи и рецензии, опубликованные в журнале «Отечественные записки» и посвященные различным автобиографическим текстам. В указанный период критика является важнейшим участником литературного процесса. Именно критика определяет, относится автобиография к литературе или нет. Эта проблема, как уже было показано Ю. Н. Тыняновым в статье «О литературной эволюции», может решаться в зависимости от эпохи по-разному: «то, что в одной эпохе является литературным фактом, то для другой будет общеречевым бытовым явлением, и наоборот, в зависимости от всей литературной системы, в которой данный факт обращается».¹¹

Обратившись к критическим статьям 1840-х годов, посвященным автобиографическим текстам, можно сделать вывод о том, как эти тексты воспринимались в указанный период. При анализе текстов будет учитываться специфика функционирования поля литературы¹² и критики.

Для начала условно разделим рецензии на две группы: касающиеся мемуаров XVIII века и мемуаров XIX века. К первой группе относятся следующие тексты:

1. Рецензия Белинского (?) на опубликованные Д. И. Языковым в 1840 году «Записки Желябужского» 1682-1708 гг. (июнь, 1840);
2. Рецензия Белинского (?) на опубликованные И. Сахаровым в 1841 году «Записки русских людей. События времен Петра Великого» (февраль, 1842);

---

¹¹ Тынянов Ю. Н. О литературной эволюции // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 273.

¹² Бурдые П. Поле литературы // Новое литературное обозрение. 2009. № 45. С. 22-87.

3. Рецензия П. Н. Кудрявцева на «Записки артиллерии майора Михаила Васильевича Данилова, написанные им в 1771 году» (ноябрь, 1842);

4. Рецензия неизвестного автора на опубликованные в 1842 году Д. И. Языковым «Записки Василия Александровича Нащокина» (ноябрь, 1842);

5. Рецензия Белинского на опубликованные в 1844 году «Записки Семена Порошина» (ноябрь, 1844).

Ко второй группе относятся:

1. Рецензия Белинского на опубликованные в «Северной пчеле» в 1846 году «Воспоминания Фаддея Булгарина» (май, 1846);

2. Рецензия В. Н. Майкова на «Воспоминания Фаддея Булгарина. Часть третья» (январь, 1847);

3. Рецензия неизвестного автора на «Воспоминание. Из записок издателя “Русского чтения” Сергея Глинки» 1846 года (январь, 1847);

4. Рецензия К. А. Полевого и А. А. Краевского на «Воспоминания Фаддея Булгарина. Части четвертая и пятая» 1848 года (апрель, 1848).

Некоторые рецензии приписываются Белинскому, в его авторстве мы полностью уверены быть не можем. Рецензия на «Записки Желябужского» была включена в полное собрание сочинений критика, но вошла в 13-й том «Dubia».¹³ Несмотря на то, что некоторые из статей, возможно, и не принадлежат Белинскому, они отражают позицию «Отечественных записок», довольно близкую взглядам самого критика, как мы продемонстрируем далее.

Обратимся к самим текстам. Метод работы с материалом определяется в одной из рецензий критиком «Отечественных записок» следующим образом: «Дело критики не выписывать из книги, а показать, как должно

---

¹³ «Записки Желябужского с 1682 по 2 июля 1709» // Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 13: Dubia. М., 1959. С. 57-64.

смотреть на нее; когда же речь идет об историческом материале, *показать его ценность и определить степень его достоверности*».¹⁴

Публикация мемуаров XVIII века нуждается в легитимации, которую обеспечивает их историческая ценность ввиду определенной временной дистанции. По этой причине во всех рецензиях «Отечественных записок» на мемуары этого столетия освещаются преимущественно вопросы исторической достоверности мемуаров, а также значимости для современного рядового читателя или профессионального историка.

Например, в рецензии на «Записки Желябужского»: «Не мудрствуя лукаво, записывал Желябужский то, что слышал, что читал, чему сам был свидетелем, и записки его оттого имеют для нас важность достоверного исторического материала».¹⁵

Даже записки Михаила Васильевича Данилова, изобретателя в области пиротехники, не бывшего свидетелем каких-либо ярких исторических событий, имеют особый «интерес, только не фейерверочный, а другой, более спокойный, о котором Михаил Васильевич верно и не думал, излагая свою “блестящую” биографию: это интерес разных мелких подробностей, относящихся к домашнему и семейному быту того времени, на которые фейерверочный художник, конечно, без всякого умысла особенно щедр в начале своих “Записок”».¹⁶

Именно в этой связи возникает непонимание критиком «Отечественных записок» причин публикации «Записок Василия Александровича Нащокина», о чем и пишет их рецензент: «В. А. Нащокин <...> жил в самую интересную эпоху России — в царствование Петра Великого, Екатерины I, Петра II, Анны Иоанновны, правительствования Бирона и Анны Леопольдовны, и, наконец, во все царствование Елизаветы Петровны. Все, что мы знаем об этом времени, полном интереснейших событий, представляющем такую сильную,

---

¹⁴ Отечественные записки. 1842. №2. Отд. V. С. 66. (Курсив наш).

¹⁵ Отечественные записки. 1840. №6. Отд. VI. С. 57.

¹⁶ Отечественные записки. 1842. №11. Отд. VI. С. 17-18.

в высшей степени драматическую борьбу прежней России с тем новым бытием, которое дал ей Петр Великий, — знаем или от иностранцев, рассказывающих вкривь и вкось обо всем, ими виденном и слышаном, или из официальных актов, помещенных в “Полном собрании законов”. Как было бы интересно услышать теперь голос современника, имевшего случай быть в близких сношениях ко всем тогдашним действующим лицам, узнать от него, так сказать, внутренние события той эпохи, мелкие, домашние происшествия, которые бросают всегда такой свет на частную физиономию исторических лиц и на общественные события! Иногда слово, сказанное историческим лицом в простом обыкновенном разговоре, простая записка, черта из семейной его жизни — говорят более целой книги государственных актов... И вот мы с жадностью принялись читать “Записки” В. А. Нащокина, и — ничего не нашли в них!»¹⁷

Записки Нащокина, содержащие «годы женитьбы, замужества или смерти знакомых и родных <...>, и пожалование их чинами или орденами»,¹⁸ рецензент не может отнести к исторически значимым документам: они «могут быть очень интересны для его <Нащокина> родственников и непосредственного потомства, но не для нас, ищущих выяснения своего понятия об историческом значении той многообъемлющей эпохи, в которую жил он».¹⁹

Единственную ценность издания рецензент находит в приложении, где размещены «Объяснения и замечания», сделанные издателем Д. И. Языковым: «в этих ученых комментариях <...> заключается несравненно более сведений о той эпохе, чем в “Записках”, к которым они сделаны, и книга приобретает научный интерес, которого без приложения Д. И. Языкова не имела бы».²⁰

---

¹⁷ Отечественные записки. 1842. №11. Отд. VI. С. 19-20.

¹⁸ Там же. С. 20.

¹⁹ Там же. С. 21.

²⁰ Там же.

Уже в процитированной выше рецензии неизвестного автора на «Записки» Нащокина можно отметить определенную риторику, связанную с петровской эпохой. Это не только важная историческая эпоха, но и период борьбы «прежней России с тем новым бытием, которое дал ей Петр Великий».²¹ В особенности такого рода риторику мы можем наблюдать в рецензии на опубликованные И. Сахаровым «Записки русских людей. События времен Петра Великого», которая приписывается Белинскому, вероятно, как раз по причине положительной оценки реформ Петра I, положивших начало русскому национальному государству.

В 1841 г. под влиянием Гегеля Белинский «начинает четко разграничивать народ и нацию».²² Это противопоставление, как отмечает В. Террас, опиралось на гегелевское разграничение «исторических» и «неисторических» народов,²³ «первые достигают состояния нации, вторые – лишь народа».²⁴ Поэтому критик может оценивать петровское время как время создания русской нации.

Теперь обратимся к рецензии на «Записки русских людей», содержащие мемуары графа Андрея Артамоновича Матвеева, Ивана Афанасьевича Желябужского, Петра Никифоровича Крекшина и Сильвестра Медведева.

В своей рецензии критик оценивает период, описанный в записках, таким образом: «События этого времени заключают в себе исторический интерес исключительной важности для всей русской истории: здесь, в долговременной борьбе партий, окончившейся страшными муками церкви, двора и всей Московии, слышится борьба начал, из которых постепенно, в течение всей последней половины XVII столетия, слагались новые элементы новой внутренней жизни государства, так целостно и так блистательно

---

²¹ Отечественные записки. 1842. №11. Отд. VI. С. 19.

²² Вдовин А. В. Концепт «глава литературы» в русской критике 1830-1860-х годов. Тарту, 2011. С. 70.

²³ Terras V. Belinskij and Russian Literary Criticism: The Heritage of Organic Aesthetics. Madison, 1974. P. 94-95.

²⁴ Вдовин А. В. Концепт «глава литературы» в русской критике 1830-1860-х годов. Тарту, 2011. С. 70.

возникшие *под мощной десницей великого царя*».²⁵

Петровское время, как пишет рецензент, это принципиально новый, национальный, период в истории России: «Как ни дробите нашу историю, в ней все будут разительно заметны два только отдела: *до* и *после* Петра: в первом, все одна и та же неумирающая Азия в системе одного севера; в последнем — интересы новой внутренней жизни, новой деятельности в системе запада Европы, пока эти последние элементы не стали равнозначительны всемирным».²⁶

Переходя к самим запискам, критик уделяет внимание прежде всего их стилю, например, записки графа Матвеева — это «образец схоластической риторики: высокопарный язык, длинные, удушливые периоды и красноглаголие, часто затемняющее смысл, показывают в нем более образованного человека, желающего блеснуть красным словцом, чем нежели простосердечного летописца, который, не мудрствуя лукаво, записывает все, что слышал или видел».²⁷ То же с записками Крекшина и Сильвестра Медведева: они слишком «велеречивы» и риторичны. Таким образом, получается, что для критика «Отечественных записок» выраженное в стиле автобиографических текстов субъективное начало противостоит их объективности и исторической достоверности.

Иное дело, по мнению критика, обстоит с записками Желябужского, которые «отличаются неподдельной безыскусственностью летописи: видно, что он вел этот дневник не для публики, а для себя; почему сказания его и драгоценнее всех риторических разглагольствий, в которых трудно уберечься от вымысла, от прикрасы: в сказании Желябужского яснее видна и эпоха, и личность летописца».²⁸ Можно сделать вывод о том, что, по мнению критика «Отечественных записок», объективным запискам «для себя» противостоят

---

²⁵ Отечественные записки. 1842. №2. Отд. V. С. 57. (Курсив наш).

²⁶ Отечественные записки. 1842. №2. Отд. V. С. 57.

²⁷ Там же. С. 54-55.

²⁸ Там же. С. 56.

«реторичные» записки «про себя», в которых выражено авторское «я».

Однако записки Медведева, имеющие также и идеологическую окраску, все равно признаются рецензентом ценными: «Медведев утаил в летописи своей все, что могло бросить на правительницу <Софью>, как и на родственников ее, Милославских, хотя бы тень подозрения в возбуждении стрельцов к мятежу; но, как ученый, писавший о событиях, вслед за ними, все остальное он рассказывает *дельно, фактами*».²⁹ А Матвеев в своих записках, «в свою очередь, скрывает все, что может хоть немного оправдать стрельцов, убивших его отца, преступников пред благодетелем его, царем Петром».³⁰

По мнению рецензента, его современники знают довольно немного об эпохе юности Петра, о Софье, о стрельцком бунте, потому выводы большинства историков о том времени поспешны и голословны. По этой причине записки из книги Сахарова (написанные людьми, находящимися «по разные стороны баррикад»), как считает критик, очень полезны, так как могут составить наиболее полную картину.

Любопытный случай представляют «Записки Семена Порошина», опубликованные в 1844 году. Центральной фигурой в дневнике является не автор, а князь Павел Петрович, воспитателем которого является Порошин. Как пишет в своей рецензии Белинский, в записках нет «полного изображения тогдашней придворной жизни, подробной обрисовки исторических лиц, с которыми Порошин был в частых сношениях»,³¹ все описания и подробности касаются одного Павла Петровича. Впрочем, дневник был еще и публичным: его читали императрица и сам князь.

Можно сделать некоторые выводы о рецензиях, посвященных мемуарам XVIII века, и о позиции журнала. Критики «Отечественных записок» высоко оценивают те мемуары, где автор с точностью «записывал

---

²⁹ Отечественные записки. 1842. №2. Отд. V. С. 62. (Курсив наш).

³⁰ Там же. С. 63.

³¹ Отечественные записки. 1844. №11. Отд. VI. С. 21.

то, что видел и слышал» (неслучайно эта формула «видел-слышал» встречается почти в каждой рецензии), но личные переживания субъекта не являются необходимыми. Достоверность, которая требуется от записок, представляет собой минимальное выражение авторского «я» в тексте, объективность.

Такую позицию можно соотнести со взглядами Белинского, которому в начале 1840-х годов свойственны взгляды гегельянского толка и поворот к «реальной действительности в ее <...> прозаической объективности»,³² чем можно объяснить требование «достоверности» в мемуарах.

В 1830-1850-х годах в печати начинают появляться мемуары уже XIX столетия, и в номерах «Отечественных записок» второй половины 1840-х годов рецензии посвящены преимущественно таким текстам. Здесь сложно говорить о безусловной исторической ценности, и публикация мемуаров в большей степени нуждается в легитимации. Так как авторы воспоминаний еще живы, то есть все еще находятся «на арене» литературного процесса, имеют определенные репутации (что особенно актуально для Ф. В. Булгарина), то в рецензиях наблюдается и элемент полемики.

В 1846-49 гг. Ф. Булгарин публикует свои «Воспоминания», что вызвало целый шквал нападок на него в печати, особенно со стороны Белинского, «его многолетнего литературного противника».³³

Так, на «Воспоминания» Булгарина в «Отечественных записках» появились три рецензии разных авторов (но не особо разного содержания). Первая рецензия принадлежит Белинскому. В своей рецензии он сначала поднимает вопрос о причинах прижизненной публикации собственных записок: «Доныне у великих людей водилось обыкновение оставлять записки о самих себе, воспоминания и всякие автобиографические заметки в рукописи до конца дней своих. Великий человек умер, — являются его

---

³² Гегель Г. В. Ф. Эстетика. М., 1969. Т. 2. С. 306.

³³ Рейтблат А. И. Видок Фиглярин (История одной литературной репутации) // Рейтблат А. И. Фаддей Венедиктович Булгарин: идеолог, журналист, консультант секретной полиции: Статьи и материалы. М., 2016. С. 14.

записки; конечно, деньги, выручаемые от продажи экземпляров, уже не поступают в карман его, — но зато записки появлением своим как бы продолжают на некоторое время существование их автора <...>. Что же заставило г. Булгарина отступить от этого установившегося и естественного порядка? Почему издал он свои записки при жизни?..»³⁴

У Белинского также вызывает вопрос то, что записки Булгарина посвящены по большей части собственному жизнеописанию: «Г-ну Булгарину угодно было сделать героем последней книги *самого себя*. Здесь он рассказывает мельчайшие подробности своей жизни с самых ранних лет <...>; воспоминания же, не относящиеся к г. Булгарину и не к семейству его, — все на втором плане и составляют менее любопытную часть книги».³⁵

Как отмечает А. И. Рейтблат, «Воспоминания» Булгарина были «задуманы как самоотчет и самозащита»,³⁶ так как его репутация в то время была довольно сомнительна, потому «показательно, что он довел их <воспоминания> только до того времени, с которым были связаны самые острые и противоречивые события его жизни: переход во французскую армию, а позднее — литературную деятельность».³⁷

Белинский же в своей рецензии, ссылаясь на статью Н. А. Полевого (опубликованную в «Литературной газете»), фактически повторяет приведенные в ней случаи искажения Булгариным истории и, таким образом, доказывает несостоятельность этой «самозащиты».

Таким образом, Полевой, а вслед за ним и Белинский, опровергают то, что заявляет во введении к своим воспоминаниям Булгарин: «Всему, о чем я говорю в *Воспоминаниях*, *есть живые свидетели*, мои современники, совоспитанники и сослуживцы, или есть документы. Пусть современники

---

³⁴ Отечественные записки. 1846. №5. Отд. VI. С. 40.

³⁵ Отечественные записки. 1846. №5. Отд. VI. С. 41.

³⁶ Рейтблат А. И. Этапы и источники построения биографического нарратива (На материале биографий Ф. В. Булгарина) // Рейтблат А. И. Фаддей Венедиктович Булгарин: идеолог, журналист, консультант секретной полиции: Статьи и материалы. М., 2016. С. 44.

³⁷ Там же.

уличат меня во лжи! Ошибиться я мог в числах, в именах, в порядке происшествий, потому что пишу не из книг, а из памяти – но в существе все правда. Где нельзя сказать правды, там я молчу, но не лгу. В том, близок ли я был к некоторым знаменитостям, представляю *письменные доказательства*, или сошлюсь на *живых свидетелей*».³⁸ Несмотря на то, что в воспоминаниях «Булгарину угодно было сделать героем <...> *самого себя*», для Белинского важна историческая часть сочинения, недостоверность которой он с такой подробностью разбирает.

Свою рецензию критик заканчивает весьма эффектным пассажем, цитируя выдержки из введения к воспоминаниям Булгарина, которые одновременно характеризуют положение автора «Ивана Выжигина» в поле литературы: «*Все сочинения и издания г. Булгарина разруганы, все журналы начинали, продолжали и кончали свое поприще бранью на г. Булгарина; каждое неблагоприятное суждение приписывалось не кому другому, как г. Булгарину; никто даже за похвалу не сказал ему спасибо... Странно! <...> Но как же все, решительно все? Не один человек, не два, не десять, не сто, не тысяча, а все... Ведь что-нибудь значит же слово все!.. Как растолковать? Как объяснить?..*»³⁹

Без сомнения, Белинскому сложно отнестись к сочинению Булгарина беспристрастно, но не один автор «Ивана Выжигина» подвергается критике за построение нарратива, ориентированного на утверждение собственной личности. В статье «Сто русских литераторов» Белинский разбирает сочинение Н. Н. Веревкина (Рахманного) «Любовь петербургской барышни» как неудачное подражание «Исповеди» Руссо: «Вот гений-то, так уж гений! Он не дожидается суда современников и потомков, но, написав две-три посредственные повестцы для приятельского журнала, сам провозглашает себя гением и, собираясь в дальний путь, смело сочиняет *апотеоз своей небывалой славы*, выдумывает себе почитателей и врагов, уверяет, что его

---

³⁸ Булгарин Ф. В. Воспоминания Фаддея Булгарина: Отрывки из виденного, слышанного и испытанного в жизни. Ч. 1. СПб., 1846. С. 19.

³⁹ Отечественные записки. 1846. №5. Отд. VI. С. 53.

наперебой звали к себе журналисты». ⁴⁰

Таким образом, по мнению Белинского, современный мемуарист должен обладать неким культурным капиталом для публикации собственного сочинения, и даже если Булгарин таковым обладает, его сочинение не может быть оценено высоко хотя бы из-за недостатка исторической достоверности (необходимой для Белинского ввиду поворота к «реальной действительности»). К взглядам Белинского на автобиографический жанр мы еще вернемся, теперь обратимся к остальным рецензиям на записки Булгарина.

В. Н. Майков в своей рецензии продолжает линию Белинского. К запискам применяется тот же критерий «видел и слышал», что и к текстам XVIII века: «Чтобы судить о занимательности чьих бы то ни было мемуаров, надо быть прежде всего убежденным, что автор действительно видел, слышал и испытал все, что описывает <...>. Что касается до нас, мы остановлены в своем суждении о “Воспоминаниях Фаддея Булгарина” не только известными публике обстоятельствами, но и сознанием самого автора в недействительности всего, о чем рассказывает он, как о слышанном, виденном и испытанном». ⁴¹ Под этим «сознанием» рецензент имеет в виду то, что Н. И. Греч назвал воспоминания Булгарина импровизацией, с чем автор сочинения не преминул согласиться. Этот факт комментируется в рецензии следующим образом: «Авторитет г. Греча в знании языков так силен, что мы не допускаем ни малейшего сомнения в точности названия, данного им мемуарам г. Булгарина». ⁴²

Рецензия К. А. Полевого и А. А. Краевского начинается с пассажа, описывающего взаимоотношения Булгарина с «критикой», рецензентами они характеризуются как непонимание Булгариным задач критики («критика <...> — брань»): «Он <Булгарин>, может быть, один в целом мире имеет понятие

---

⁴⁰ Белинский В. Г. Сто русских литераторов. Том второй // Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 томах. Т. 5: Статьи и рецензии 1841-1844. М., 1954. С. 216. (Курсив наш).

⁴¹ Отечественные записки. 1847. №1. Отд. VI. С. 65.

⁴² Там же.

о критике, которое выразил в предисловии и к новой своей книге: «Обрадуются, — восклицает он, — мои благоприятели, что нашелся случай в критике!.. Браните, господа, браните покрепче, собственно для вашего утешения и наслаждения». Какое понятие о критике! Какое понятие о литераторах и о публике, к которой обращаются с такими словами!.. Критика, по мнению г. Булгарина, — брань <...>. Такие возгласы не требуют опровержения и показывают лишь заботливость автора предупредить критику, старание его разбранить ее наперед».⁴³

Далее Полевой и Краевский уже привычно подвергают записки Булгарина исторической «верификации»: «Большая часть двух новых «Воспоминаний» посвящена описанию войны России с Швецией в 1808 году. Материал для воспоминаний о ней нашелся превосходный: «Описание Финляндской войны», сочиненное А. И. Михайловским-Данилевским, и автор «Воспоминаний» воспользовался этим материалом чрезвычайно усердно... До того усердно, что если бы не существовала книга г-на Михайловского-Данилевского, то не было бы и большей части воспоминаний г-на Булгарина о финляндской войне».⁴⁴ «Одним ударом» рецензенты подвергают сомнению ценность отдельного сочинения Булгарина, так и его деятельность как литератора.

По мнению рецензентов, будь записки Булгарина дневником, они могли бы обладать большей достоверностью, «но г. Булгарин не вел никакого журнала и нашел способ писать воспоминания довольно оригинально, потому что до сих пор писали их только о том, что видели и испытали сами, а не о том, что находили в книгах».⁴⁵

Однако не все автобиографические тексты, публиковавшиеся прижизненно, получили такие разгромные рецензии. В отличие от «Воспоминаний» Булгарина, записки С. Н. Глинки не вызвали такого

---

⁴³ Отечественные записки. 1848. №4. Отд. VI. С. 105-106.

⁴⁴ Отечественные записки. 1848. №4. Отд. VI. С. 106.

⁴⁵ Там же.

большого количества отрицательных и едких отзывов: «Даем полную веру его <Сергея Глинки> рассказам, ибо вся литературная жизнь автора не представляет ни малейшего повода к сомнению в их правдивости. Это, ведь, не импровизация, а повесть о том, что действительно видел и слышал достопочтенный автор».⁴⁶

Как можно заметить, к сочинению применяется снова критерий исторической достоверности, но, заметим, что здесь «достопочтенный автор» обладает к тому же и совершенно иной репутацией, чем Булгарин.

Таким образом, в критике «Отечественных записок» мемуары (само это слово неслучайно в рецензиях часто заменяется словами «исторический документ») воспринимаются сугубо с точки зрения их историчности, где вымысел недопустим.

Возвращаясь к точке зрения Белинского, напомним, что, по всей видимости, для критика характерно понимание автобиографического текста как выражения «реальной действительности» в гегелевском понимании. Такую модель автобиографического повествования можно назвать гегельянской.

Однако ближе к концу 1840-х годов это понимание автобиографии претерпевает некоторые изменения. В статье Белинского «Взгляд на русскую литературу 1847 года», напечатанной уже в журнале «Современник», мемуары ценятся и с точки зрения художественности изложения: «Самые мемуары, совершенно чуждые всякого вымысла, ценимые только по мере верной и точной передачи ими действительных событий, — самые мемуары, если они мастерски написаны, составляют как бы последнюю грань в области романа, замыкая ее собой».⁴⁷

Между тем, как для романа, так и для мемуаров, по мнению Белинского, важна художественность изложения: «верное воспроизведение

---

⁴⁶ Отечественные записки. 1847. №1. Отд. VI. С. 65-66.

⁴⁷ Белинский В. Г. Взгляд на русскую литературу 1847 года // Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 томах. Т. 10: Статьи и рецензии 1846-1848. М., 1956. С. 316.

фактов невозможно при помощи оной эрудиции, а нужна еще фантазия».⁴⁸ И, по Белинскому, получается, что исторический роман и мемуары типологически близки: «Сближение искусства с жизнью вымысла — с действительностью, в наш век особенно выразилось в историческом романе. Отсюда был только шаг до истинного воззрения на мемуары, в которых такую важную роль играют очерки характеров и лиц».⁴⁹

Таким образом, точка зрения Белинского немного изменяется по сравнению с началом 1840-х годов — большее значение стало придаваться субъективности, авторской личности и стилю.

Однако практика автобиографического письма, которая имела место на страницах «Отечественных записок» в этот же период, не соответствовала теоретическим принципам, выдвигаемым в журнале. Этому и будут посвящены следующие главы нашей работы.

---

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же.

Глава 2. Автобиографическое повествование в «Записках одного молодого человека» А. И. Герцена

В 1840-41 гг. на страницах «Отечественных записок» публикуется произведение А. И. Герцена «Записки одного молодого человека» (№12 1840 г. — главы «Ребячество», «Юность», №8 1841 г. — «Годы странствования»). Художественные особенности этого произведения таковы, что его сложно назвать автобиографией или повестью с полной уверенностью. Существуют разные точки зрения на жанровую принадлежность «Записок одного молодого человека» ввиду таких особенностей произведения, как «внешняя композиционная фрагментарность и неслаженность»,⁵⁰ о которых говорят многие исследователи.

По мнению А. С. Долинина, «Записки...» относятся к жанру автобиографическому, вместе с другими, более ранними произведениями Герцена, как «О себе», «I Maestri». Однако вместе с тем Долинин указывает на неоднозначный характер «Записок...», определяя их как «полумемуарные, полубеллетристические».⁵¹

Иная трактовка была предложена Т. И. Усакиной, которая полагает, что «ни первая, ни вторая части “Записок” не могут быть поняты в рамках автобиографического жанра, хотя сначала повесть и задумывалась, быть может, как автобиографическое произведение».⁵² Идейным центром этой социально-философской повести, как определяет Т. И. Усакина, является эпизод с польско-прусским помещиком Трензинским, который составлял «для Герцена и его современников положительный смысл “Записок”».⁵³ Логика развития произведения Усакина связывает с полемикой Герцена,

---

⁵⁰ Гинзбург Л. Я. <Комментарии> // Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. Т. 1: Произведения 1829-1841 годов. М., 1954. С. 512.

⁵¹ Долинин А. С. Герцен и Белинский. (К вопросу о философских основах критического реализма сороковых годов) // Учен. зап. Ленингр. пед. ун-та. 1954. Т. 9. Фак. языка и лит. Вып. 3. С. 45.

⁵² Усакина Т. И. Повесть Герцена «Записки одного молодого человека» // Проблемы изучения Герцена. М., 1963. С. 148.

⁵³ Там же.

направленной против «теоретиков правогегельянского толка»,⁵⁴ а в основном против Белинского. Для выполнения такой задачи, по мнению исследовательницы, Герценом и был выбран жанр социально-философской повести.

С Т. И. Усакиной полемизирует И. С. Нович, полагая, что «толкование их <“Записок одного молодого человека”> в целом как повести влечет за собой ошибочное смещение планов произведения, когда центральный герой “Записок” — Молодой человек <...> оттесняется с авансены произведения, уступая своё центральное место вымышленному герою — Трензинскому <...>, не несущему в себе такого богатства содержания, психологии, как Молодой человек, во всей образной системе “Записок...”».⁵⁵ В своем анализе И. С. Нович рассматривает «Записки...» как «своеобразное сочетание двух линий: автобиографических записок и объективно-повествовательной прозы».⁵⁶ Относительно полемического элемента, усматриваемого Усакиной в «Записках...», Нович придерживается справедливого мнения, что «элемент полемики и с кружком Станкевича — Белинского в “Записках...” был, но никак не в той основополагающей и решающей мере, какая приписывается».⁵⁷ К тому же, как отмечает Нович, «ко времени печатания <...> “Записок одного молодого человека” в “Отечественных записках” <...> “идеологическим противником” Герцена он <Белинский> уже не был».⁵⁸ Это подтверждает и тот факт, что Белинский содействовал публикации самих «Записок...».

Л. Я. Гинзбург в комментариях к «Запискам...» в собрании сочинений Герцена подчеркивает различие обеих частей «Записок...» и выделяет в них

---

⁵⁴ Усакина Т. И. Повесть Герцена «Записки одного молодого человека» // Проблемы изучения Герцена. М., 1963. С. 153.

⁵⁵ Нович И. С. Молодой Герцен: страницы жизни и творчества. М., 1986. С. 243.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же. С. 258.

⁵⁸ Там же. С. 259.

два разных плана: «Первые главы — это прямой автобиографический рассказ (с некоторой маскировкой имен для печати); “Годы странствования” — это уже беллетристика, с условным дневником, с введением “издателя”, “нашедшего тетрадь” и т.д.; автобиография в этой части только основа, на которой разрастаются бытописание и сатира».⁵⁹

Г. И. Мельникова, принимая во внимание эту разноплановость «Записок...», предлагает пойти дальше и выделить внутри одного два самостоятельных произведения. В своем анализе исследовательница ссылается на книгу В. М. Жирмунского «Гете в русской литературе» в связи с анализом более ранней повести Герцена «Первая встреча»: «вернувшись из ссылки, он переделал и напечатал свою повесть в “Отечественных записках” 1841 г., под новым заглавием “Еще из записок одного молодого человека”».⁶⁰ Первую же часть «Записок...» В. М. Жирмунский определяет как автобиографическую. Опираясь на мысль о самостоятельности этих произведений, тезисно изложенную Жирмунским, Г. И. Мельникова утверждает: «“Записки одного молодого человека” и “Еще из записок одного молодого человека” — самостоятельные художественные произведения, первое из которых принадлежит автобиографическому жанру, второе является социально-философской повестью».⁶¹ Однако эта точка зрения вызывает определенные сомнения ввиду хотя бы того факта, что А. И. Герцен, помещая «Записки...» в лондонском издании «Былого и дум» в 1862 г., печатает обе части как одно произведение. Следовательно, так и следует рассматривать «Записки одного молодого человека». Обратимся к особенностям произведения, а именно проанализируем повествование с точки зрения используемых автобиографических стратегий, и попробуем понять, почему возникает такая возможность для разных трактовок.

---

⁵⁹ Гинзбург Л. Я. <Комментарии> // Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. Т. 1: Произведения 1829-1841 годов. М., 1954. С. 512.

⁶⁰ Жирмунский В. М. Гете в русской литературе. Избранные труды. Л., 1981. С. 267.

⁶¹ Мельникова Г. И. «Записки одного молодого человека». Замысел и обретение жанровой завершенности. Киров, 1998. С. 11.

Автобиографический характер первой части «Записок...», как мы показали выше, почти ни у кого не вызывает сомнений. К тому же, как отмечает Долинин, первая часть «Записок...» включает творческую переработку ранних автобиографических опытов Герцена.⁶²

Первая часть «Записок...» делится на главы «Ребячество» и «Юность». Первая глава, как следует из названия, посвящена детским воспоминаниям героя. Установку на «реально бывшее» создают указания на конкретных людей, на реальные имена в примечаниях, которые, впрочем, появились в позднем издании «Записок...» в 1862 г.

Однако уже здесь мы сталкиваемся с определенного рода многоплановостью автобиографического повествования. В описании детства большинство событий и их детское восприятие комментируются с позиций сознания взрослого, иронического, как, например, воспоминание о смерти Наполеона: «Помню смерть Наполеона. Радовались, что бог прибрал это чудовище, о котором было предсказано в апокалипсисе, проницательные не верили его смерти; более проницательные уверяли, что он в Греции. Всех больше радовалась одна богомольная старушка, скитавшаяся из дома в дом по бедности и не работавшая по благородству, — она не могла простить Наполеону пожар в Звенигороде, при котором сгорели две коровы ее, связанные с нею нежнейшей дружбой».⁶³

С позиций взрослого сознания повествуется и о дружбе героя с кузиной из Меленок, упоминается ее «сентиментальность», которая вряд ли могла бы в то время критически оценена ребенком: «Она любила, чтоб ее звали Темирой, и все родственники звали ее так; уж это одно доказывает сентиментальность; просто человек не согласится в XIX веке называться Пленирой, Темирой, Селеной, Усладом <...>. Итак, я слушался Тани, сентиментальничал, и подчас нравственные сентенции, бледные и тощие,

---

⁶² Долинин А. С. Герцен и Белинский. (К вопросу о философских основах критического реализма сороковых годов) // Учен. зап. Ленингр. пед. ун-та. 1954. Т. 9. Фак. языка и лит. Вып. 3. С. 45.

⁶³ Герцен А. И. «Записки одного молодого человека» // Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. Т. 1: Произведения 1829-1841 годов. М., 1954. С. 260.

служили финалом моих речей. Воображаю, что в эти минуты я был очень смешон».⁶⁴

Вместе с тем в воспоминаниях о детстве встречается и другой, лирический, тон повествования, уже более близкий к сознанию героя-ребенка: «мне некуда было деть мою деятельность, охоту играть, потребность разделить впечатления и игры с другими детьми. Один товарищ, одна подруга была у меня — Берта, полушарлот и полуиспанская собака батюшки. Много делил я с нею времени, запрягал ее, бывало, ездил на ней верхом, дразнил ее, а в зимние дни сидел с нею у печки: я пою песни, а она спит, — и время идет незаметно».⁶⁵

Таким образом, герой предстает как субъект и как объект повествования (что свойственно автобиографическому тексту), и эта неоднородность, как мы увидим, далее только «усугубится».

Если в главе «Ребячество» повествование преимущественно ведется с точки зрения взрослого ироничного сознания, то во второй главе «Юность» картина несколько другая. От прежней иронии почти не остается и следа, появляется иной, восторженный тон: «Прелестное время в развитии человека, когда дитя сознает себя юношею и требует в первый раз доли во всем человеческом: деятельность кипит, сердце бьется, кровь горяча, сил много, а мир так хорош, нов, светел, исполнен торжества, ликования, жизни».⁶⁶

Однако в этой части в «междусловии» появляются мотив найденной тетради, содержащей текст «Записок...», и фигура Нашедшего тетрадь. С введением этой фигуры вместо прежней слитости с внутренним миром героя возникает подчеркнутая дистанция: «Тетрадь, в которой описываются похождения любезного молодого человека, попалась мне в руки совершенно нечаянно и — чему не всякий поверит — в Вятке, окруженной лесами и

---

⁶⁴ Там же. С. 272.

⁶⁵ Герцен А. И. «Записки одного молодого человека» // Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. Т. 1: Произведения 1829-1841 годов. М., 1954. С. 264.

⁶⁶ Там же. С. 273.

черемисами, болотами и исправниками, вотяками и станowymi приставами, — в Вятке, засыпанной снегом и всякого рода делами, кроме литературных». ⁶⁷

Разделение этих позиций подчеркивается еще и потому, что дальнейшее восторженное повествование «Молодого человека» контрастирует с иронической манерой «Нашедшего тетрадь»: «Поза, Поза! где ты, юноша-друг, с которым мы обручимся душою, с которым выйдем рука об руку в жизнь, крепкие нашей любовью?» ⁶⁸

Появление фигуры Нашедшего тетрадь совершается именно на завершающих страницах первой части, являясь «нарочито демонстрируемым композиционным приемом», ⁶⁹ как возникновение своего рода второго «я».

Возвращаясь к особенностям автобиографического повествования, выделенным Леженом, заметим, что ввиду подобного раздвоения «я» довольно сложно говорить об идентичности автора, нарратора и протагониста. Таким образом, в первой части «Записок...» стратегии автобиографического текста скорее обыгрываются, чем воспроизводятся.

Теперь обратимся ко второй части «Записок...». Она открывается вступлением от Нашедшего тетрадь, где объясняется, что воспоминания в первой части представляют собой записи из первой им найденной тетради Молодого человека, в другой части опубликованы записи из второй.

Вторая часть «Записок...» представляет собой путевой дневник, который начинает вести герой, приезжая в город Малинов. Как отмечают некоторые исследователи, форма дневника довольно условна. Город Малинов, «казалось бы, лишь косвенно связанный с историей духовного развития героя <...>, постепенно становится единственным объектом

---

⁶⁷ Там же. С. 280.

⁶⁸ Герцен А. И. «Записки одного молодого человека» // Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. Т. 1: Произведения 1829-1841 годов. М., 1954. С. 280.

⁶⁹ Гурвич-Лицинер С. Д. Творчество Герцена в развитии русского реализма середины XIX века. М., 1994. С. 25.

рассмотрения, иронически-злого описания автора».⁷⁰ В этом дневнике герой почти не говорит о себе, о своих чувствах: «город, объект его ненависти, вытесняет иные мысли из его сознания».⁷¹

Однако, тем не менее, здесь необходимо указать на специфику дневниковой формы и на ее соотнесение с формой мемуарной. Как пишет Лежен, дневник, в отличие от автобиографии, обращен в будущее, он принципиально не может быть завершен, так как финал постоянно меняется в процессе письма.⁷² Автобиография, наоборот, обращена в прошлое: как отмечает Лежен, «автобиография на самом деле уже завершена с самого начала, поскольку начатая история должна завершиться моментом письма. Вы знаете, к чему все придет, и все, о чем вы пишете, ведет именно к этой точке и объясняет, как вы туда попали».⁷³

Важной для второй части «Записок...» темой является столкновение личности (Молодого человека) и действительности (мира города Малинова), которое, вероятно, повлекло за собой возникновение внутреннего перелома, на который указывает и Нашедший тетрадь: «завиральные идеи начинают облетать, как желтые листья».⁷⁴

После произошедшей внутренней перемены могло последовать создание автобиографии, уже с тех позиций, переход к которым объяснен в дневнике. Между тем, позиция Нашедшего тетрадь представляется наиболее близкой этому «постпереломному» сознанию, из-за чего герой «Записок...» кажется довольно условным, как «один молодой человек». Во второй части «Записок...» Нашедший тетрадь больше отождествлен с повествователем, вступление и заключение здесь принадлежат ему, как и «обещание»

---

⁷⁰ Еремеев А. Е. Хронотоп как организующий принцип построения «Записок одного молодого человека» А. И. Герцена // Вопросы фольклора и литературы. Омск, 2003. С. 112.

⁷¹ Там же.

⁷² Lejeune Ph. On diary. Honolulu, 2009. P. 191.

⁷³ Ibid.

⁷⁴ Герцен А. И. «Записки одного молодого человека» // Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. Т. 1: Произведения 1829-1841 годов. М., 1954. С. 284.

рассказать позднее о герое Трензинском, которого встречает Молодой человек.

Обобщая вышесказанное, заметим, что если большинство исследователей приходят к выводу о некоторой искусственности сведения двух частей произведения, то мы видим другое объяснение разнородности частей. Сложная структура «Записок...» с сочетанием мемуарной формы в первой части и дневниковой во второй может быть следствием определенной установки на изображение внутреннего перелома. Раздвоение «я», возникновение «остраняющей» фигуры Нашедшего тетрадь служит этой же задаче.

В связи с этим «Записки одного молодого человека» представляют собой, скорее всего, повесть, но в которой тем не менее обыгрываются автобиографические стратегии, что позволяет возникнуть двойственности повествования и условности героя. Несмотря на это, текст произведения построен как реализация определенной автобиографической модели.

То, что «центром тяжести» в «Записках...» является Молодой человек, вместе с его ощущениями, первой влюбленностью, первой дружбой, коренным переломом (отправление в город Малинов во второй части), свидетельствует об определенном понимании места человека в истории. Это понимание отражено и в предисловии к повести, содержащем мотивировку автобиографического письма: «Кто жил умом и сердцем, кто провел знойную юность, кто человечески страдал с каждым страданьем и сочувствовал каждому восторгу <...> — тот совершил кое-что. “Каждый человек, — говорит Гейне, — есть вселенная, которая с ним родилась и с ним умирает; под каждым надгробным камнем погребена целая всемирная история”, — и история каждого существования имеет свой интерес; это понимали Шекспир, Вальтер Скотт, Теньер, вся фламандская школа: интерес этот состоит в зрелище развития духа под влиянием времени, обстоятельств, случайностей, растягивающих, укорачивающих его нормальное, общее направление».⁷⁵

---

⁷⁵ Герцен А. И. Записки одного молодого человека // Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. Т. 1: Произведения 1829-1841 годов. М., 1954. С. 258.

Таким образом, сама история «выработывания от ребяческой непосредственности, от этого покойного сна на лоне матери до сознания, до требования участия во всем человеческом, до самобытной жизни»⁷⁶ героя не может быть лишена интереса.

В этой установке можно усмотреть «импульс» М. Ю. Лермонтова (к творчеству которого Герцен относился с большим вниманием), а именно дневника Печорина. Напомним, что некоторые части «Героя нашего времени» (повести «Бэла», «Фаталист» и «Тамань») были, к тому же, опубликованы в «Отечественных записках» в 1839-40 гг.

В предисловии к дневнику Печорина мы встречаем схожую с текстом Герцена «мотивировку» (поскольку она принадлежит другому рассказчику, это, скорее, мотивировка *публикации* записок): «История души человеческой, хотя бы самой мелкой души, едва ли не любопытнее и не полезнее истории целого народа, особенно когда она — следствие наблюдений ума зрелого над самим собою, и когда она писана без тщеславного желания возбудить участие или удивление».⁷⁷

Установка на изображение «истории человеческой души» (или «истории выработывания») является важной и для текста Герцена. В этой связи примечательно то, что автором «Былого и дум» произведение Лермонтова воспринималось как автобиографическое: «все это не что иное как его <Лермонтова> исповедь, его признания, и какие признания! Какие грызущие душу терзания! Его герой он сам».⁷⁸

Однако эта мотивировка должна отослать нас еще дальше, к другому тексту, а именно к «Исповеди» Ж. -Ж. Руссо. Как отмечает Гинзбург, «мемуаристы, ставившие перед собой задачу раскрытия тайников душевной жизни, бесстрашного самоанализа, обычно ссылались на Руссо, отправлялись

---

⁷⁶ Там же. С. 258-259.

⁷⁷ Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени // Лермонтов М. Ю. Собр. соч.: В 4 т. Т. 4. Л., 1981. С. 123.

⁷⁸ Цит. по Гиллельсон М. И. Лермонтов в оценке Герцена // Творчество М. Ю. Лермонтова: 150 лет со дня рождения, 1814-1963. М., 1964. С. 385.

от Руссо, спорили с Руссо, наконец».⁷⁹

Таким образом, постулируемая в начале произведения установка на изображение «развития духа», душевной жизни субъекта является, по всей видимости, ориентацией на метод «Исповеди» Руссо. Однако в тексте Герцена руссоистская модель автобиографизма подвергается определенной трансформации.

Герцен создает повесть в форме автобиографии, которая согласуется с его пониманием человека в истории, названным Г. Шпетом «апофеозом личности»: «В личности видел Герцен проблему современного реализма, и через личность же задумал он разрешить основной “дуализм” своего времени: дуализм теории и практики».⁸⁰ Личность, находящаяся не в прошлом или будущем, а в настоящем («для меня избрано время, в нем мое владение; у меня нет на земле прошедшего, ни будущего не будет через несколько лет»⁸¹), превращает «идеальные цели истории в реальные задачи сегодняшнего дня со всею его полнотою, со всем наследием прошлого и зародышами будущего».⁸²

Таким образом, по мнению Герцена, жизнь реальной личности является выражением главных идей времени, потому автобиографические тексты должны быть посвящены жизни личности, как, например, в «Записках...» или в наиболее известном произведении Герцена «Былое и думы».

Эта позиция Герцена отличается от позиции, например, Белинского, которую мы охарактеризовали в предыдущей главе. Критик воспринимает автобиографический жанр как объективный исторический документ. Например, то, что Булгарину «угодно было сделать героем последней книги

---

⁷⁹ Гинзбург Л. Я. «Былое и думы» А. И. Герцена. М., 1957. С. 77.

⁸⁰ Шпет Г. Философское мировоззрение Герцена. Петроград, 1921. С. 53.

⁸¹ Герцен А. И. Записки одного молодого человека // Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. Т. 1: Произведения 1829-1841 годов. М., 1954. С. 258.

⁸² Шпет Г. Философское мировоззрение Герцена. Петроград, 1921. С. 52.

самого себя»⁸³ оценивается критиком негативно. Для Герцена, конечно, автобиография тоже представляет собой исторический документ, но в понимании автора «Записок одного молодого человека» главная часть истории — сама личность автора-героя.

Тем не менее «Записки...» Герцена Белинскому понравились, вторая часть даже более (как представляется, благодаря обличению филистерского мира Малинова). Однако Белинский воспринимал «Записки...» как повесть, и потому для него не стояло задачи оценить текст с точки зрения исторической достоверности.

Как мы можем видеть, для Белинского и Герцена характерны два разных понимания специфики мемуарного жанра, выраженные в «теории» Белинского и «практике» Герцена: автобиографический текст как выражение «реальной действительности» или как выражение «реальной личности». Сложная специфика автобиографического жанра приводит к тому, что даже в среде довольно близких литераторов могут существовать разные стратегии автобиографического письма.

Однако и эти два понимания не являются единственными в круге людей, имевших отношение к деятельности «Отечественных записок». Еще один близкий Белинскому литератор предлагает другую модель автобиографизма, откликаясь, к тому же, и на герценовский текст. Этому будет посвящена следующая глава настоящей работы.

---

⁸³ Отечественные записки. 1846. № 5. Отд. VI. С. 41.

Глава 3. Автобиографическое повествование в «Записках человека»

А. Д. Галахова

В 1847-1848 гг. в «Отечественных записках» публикуется произведение А. Д. Галахова «Записки человека» (в двух частях). Обычно считается, что это произведение является мемуарами. Однако текст «Записок...» был напечатан в отделе «Словесность», где публиковались произведения художественные. Например, в выпуске за декабрь 1847 года вместе с «Записками человека» были также помещены повесть Ф. М. Достоевского «Хозяйка» и часть романа «Домби и сын» Ч. Диккенса. К тому же, Белинский, ознакомившись с произведением, в письме В. П. Боткину от 2-6 декабря 1847 г. назвал его как «повесть не повесть, даже рассказ не рассказ, и рассуждение не рассуждение».⁸⁴

Попробуем понять, есть ли в этом тексте нарушения автобиографического канона, как, например, в повести Герцена. В «Записках...» Галахова мы встречаем рассказ о «предках» — родителях и бабушке и дедушке героя, что само по себе не является необычным для автобиографической традиции. Детских воспоминаний героя в тексте почти не представлено, как и каких-либо конкретных деталей, имен и топонимов, которые обычно создают установку на подлинность, необходимую для автобиографического текста.

«Записки человека» Галахова не похожи на обычный автобиографический нарратив. Чтобы продемонстрировать это наиболее ярко, мы сравним этот текст с более поздним сочинением Галахова, носящим то же название.

Это ряд автобиографических отрывков, опубликованных в разное время в разных журналах: в 1875-1878 гг. в журнале «Русский вестник», во второй половине восьмидесятых годов (1886, 1888, 1892 гг.) в журнале «Исторический вестник». Эти отрывки Галахов хотел включить в отдельное издание своих мемуаров (вместе с другим материалом, который должен был

---

⁸⁴ Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 12. М., 1956. С. 445.

быть написан специально для издания), о чем договорился с А. С. Сувориным, издателем «Исторического вестника». Это издание не было осуществлено в связи со смертью Галахова в 1892 г.

Мы сравним записки Галахова сороковых и семидесятых годов (так как в них идет речь об одном периоде), чтобы узнать, какие автобиографические стратегии используются в этих текстах и чем эти стратегии отличаются.

Сначала обратимся к запискам 1847-1848 гг. В начале первого отрывка мы встречаем привычную для жанра мотивировку автобиографического письма, обосновывающую важность настоящих записок. В тексте Галахова она следующая:

«Итак, я пишу записки — записки человека, произнося это имя с такой же гордостью, с какой древний Римлянин произносил: *Romanus sum*. *Жалею очень, что не имею счастья принадлежать к тем великим личностям, в которых жизнь человека является на высоте красоты и могущества: тогда мои записки получили б несравненно более интереса <...>*. Если мы любуемся устройством простого растения, то, конечно, ливанский кедр или суристанская роза привлекают сильнее внимательные взоры: такое же отношение между человеком обыкновенным, который ничем не возбудил общественного движения, и человеком необыкновенным, который глубиной мысли или силою воли двигал людей. Но в этой скромной обыкновенности есть своего рода достоинство — тождество его жизни с жизнью других, общность признаков которыми наделено большинство рода. Быть может, многие в моих записках прочтут собственную свою исповедь, во мне узнают себя <...>. Отсутствие деятельности общественной, многообъемлющей, заменяется здесь невидимым, но все-таки любопытным развитием внутреннего мира, жизнью чувства и мысли. *Много перечувствовать есть также подвиг. Кто пережил ряд мыслей, тот может сказать, что он не только жил, но и жил долго <...>. Но могут ли быть любопытны записки одного, и притом обыкновенного человека, рассказ о жизни единицы?..*

*Отчего же нет? В одном есть также откровение целого».*⁸⁵

В поздних записках, а именно в автобиографическом отрывке 1876 года тоже есть мотивировка, но там несколько по-другому расставлены акценты:

«Кто стоит почти у одного из двух пределов, указанных царем Давидом <70 и 80 лет>, человеческой жизни, тот, при самом скромном о себе понятии, имеет, однако ж, право думать, что воспоминания его не будут лишены известного интереса. *В течение семидесяти лет мне приходилось слышать, видеть и наблюдать многое, что стоит быть занесенным в записную книжку и может пополнять собою материал русских мемуаров. Я не был пассивным созерцателем происходившего перед моими глазами, не сидел сложа руки, а целый век провел в трудах.* Конечно, сферы моей трудовой жизни были не высокие и обширные, а скромные и ограниченные; но история общественного развития той или другой эпохи почерпает для себя источники не из одних сказаний передовых, именитый деятелей: для полноты и целостности она требует осмотра всех элементов, всех слоев народного быта: высшего, среднего и низшего <...>. Поговорка “Большому кораблю большое плавание” не отрицает выгод мелкого плаванья, когда имеешь возможность заходить в такие воды и осматривать такие местности, которые решительно недоступны большим кораблям именно потому, что они велики. Так и мне, при моем мелком плаваньи, суждено было наблюдать некоторые общественные движения, или окончательно отошедшие в область истории, или еще продолжающие свое существование, или только что возникшие. Я вырос среди полного разгара крепостного права и видел безвозвратное его уничтожение; долгое время принимал я живое и деятельное участие в периодической литературе; служба моя началась и продолжалась в педагогическом мире <...>. Кроме общественных факторов есть еще явления общечеловеческой природы. Наблюдения над ней, необходимые для характеристики человека как человека, независимо от его внешнего положения, я всегда ценил и ценю очень высоко. Само название

---

⁸⁵ Отечественные записки. 1847. №12. Отд. I. С. 301. (Курсив наш).

предлагаемых записок («Записки человека») достаточно показывает мое понятие об этом предмете».⁸⁶

Остановимся отдельно на некоторых фрагментах этого пассажа. Автор записок имеет право писать о себе, так как он был свидетелем важных исторических событий, которые и намеревается изложить в тексте мемуаров. Такого в раннем тексте мы не встречаем. С одной стороны, в 1876 году Галахов, как он отмечает в мемуарах, «стоит почти у одного из двух пределов <...> человеческой жизни», т. е. ему на тот момент 69 лет, а не 40, как во время публикации первого текста «Записок человека». Учитывая те события, свидетелем и участником которых был Галахов, можно сказать, что в 1876 году он обладает некоторым культурным капиталом, который легитимирует его право на мемуарный текст.

С другой стороны, на момент создания первых записок имя Галахова в литературных кругах уже известно. В 1842 году он публикует свою первую «Полную русскую хрестоматию, или Образцы красноречия и поэзии, заимствованные из лучших отечественных писателей», которая вызвала резкую критику со стороны профессора С. П. Шевырева за то, что туда были помещены тексты, «написанные литературным языком современности»⁸⁷ (например, тексты М. Ю. Лермонтова), отобранные в соответствии с оценками Белинского. И тем не менее в мотивировке записок 1847 года мы никаких упоминаний об исторических событиях не встречаем, видимо, по причине того, что привычная легитимация создателя мемуаров как свидетеля исторических событий в духе Белинского (с этим мы сталкиваемся в поздних записках Галахова) для этого текста не нужна.

Дальше раннее произведение Галахова все менее походит на привычные нам мемуары. «Записки человека» сороковых годов охватывают период детства и юношества героя, но более всего они посвящены двум

---

⁸⁶ Галахов А. Д. Записки человека. М., 1999. С. 17-18. (Курсив наш).

⁸⁷ Вдовин А. В. Лейбов Р. Г. Хрестоматийные тексты: русская поэзия и школьная практика XIX столетия // Acta Slavica Estonica IV. Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение, IX. Хрестоматийные тексты: русская педагогическая практика XIX в. и поэтический канон. Тарту, 2013. С. 16.

предыдущим поколениям, то есть родителям и «дедам», и тому, какие особенности характера герой от них унаследовал. Конкретных подробностей мы не встречаем: «Меня мало занимали тогда семейные трагедии. Я знаю только, что мне нравилось приходить к бабушке, когда мы со всем семейством приезжали в деревню из того города, где я воспитывался».⁸⁸

Тогда как в мемуарах, например, Ф. Булгарина, первый том которых был опубликован в 1846 году, повествование довольно детализированное: «Родился я в бывшем Минском Воеводстве бывшего Великого Княжества Литовского (в котором предки мои издревле были княжескими боярами, имевшими одно значение с древними боярами русскими), в имении Перышеве, принадлежавшем матери моей, урожденной Бучинской (герба Стремя)».⁸⁹

Если мы обратимся к запискам Галахова более позднего времени, то обнаружим, что ситуация там совершенно иная: обычное для мемуаров подробное и детализированное повествование, сконцентрированное вокруг субъекта воспоминаний:

«Родина моя Сапожок, уездный город Рязанской губернии, стоящий при реке Машке. Несмотря на свой несколько романтический титул (Сапожок на Машке), он ничем не отличается от многих других уездных городов, вся особенность которых, если только называть это особенностью, заключалась в том, что они имели кирпичные заводы».⁹⁰

Даже если в ранних и поздних записках мы встречаем одинаковые события — они будут оформлены по-разному.

Например, в воспоминаниях о бабушке героя похожим образом описано, как ею была встречена мать героя, что характеризует бабушку как непримиримую сторонницу старых нравов:

«Она <бабушка> неприветливо встретила мать мою, молодую жену

---

⁸⁸ Отечественные записки. 1847. №12. Отд. I. С. 304.

⁸⁹ Булгарин Ф. В. Воспоминания Фаддея Булгарина: Отрывки из виденного, слышанного и испытанного в жизни. Ч. 1. СПб., 1846. С. 26-27.

⁹⁰ Галахов А. Д. Записки человека. М., 1999. С. 18-19.

своего старшего сына, когда та приехала к ней с первым визитом в салопе и шляпке: “Что это ты, малушка <...>, так разрядилась? Ты бы по-нашему прикрылась платочком” <...>. И вот к такой-то бабушке, строгой с домашними, но любившей своих внучат до баловства, явился я с почтением на другой или третий день после приезда из Сапожка». ⁹¹

«Она <бабушка> неприятливо встретила мать мою, молодую жену своего сына, увидав ее в чепце: “Что это ты, малушка <...>, нарядилась? Ты бы просто повязала платок, по-нашему” <...>. Меня мало занимали тогда семейные трагедии. Я знаю только, что мне нравилось приходить к бабушке, когда мы со всем семейством приезжали в деревню из того города, где я воспитывался». ⁹²

Однако за этим эпизодом в тексте 1876 года следует подробное описание первого приезда к бабушке из родного города Сапожка, а в тексте 1847 года этого мы не встречаем, зато вместо этого приведено описание нравов родителей, «уже более цивилизованных».

Таким образом, в сороковые годы Галахов создает довольно необычный текст, где конкретное воспоминание используется не ради самого воспоминания, а для других целей. Иначе говоря, текст сороковых годов не посвящен психологическому самораскрытию субъекта воспоминаний, так как текст не сконцентрирован вокруг этого субъекта. Другое дело мы имеем с поздним произведением Галахова, представляющим довольно классические мемуары. Но в сороковые годы Галахов, знакомый с мемуарами этого периода (так как является сотрудником «Отечественных записок», где публикуется большое количество рецензий на эти мемуары), намеренно не следует этой традиции.

Тем не менее «Записки человека» семидесятых годов содержат цитаты из ранних записок, которые существуют внутри этих текстов как сугубо автобиографический материал. Этот факт нужно учитывать при определении

---

⁹¹ Галахов А. Д. Записки человека. М., 1999. С. 23-24.

⁹² Отечественные записки. 1847. №12. Отд. I. С. 304.

жанра «Записок...» 1847-1848 гг.

Теперь попробуем понять, в чем специфика текста, который создает Галахов в сороковые годы. В начале первого отрывка 1847 года мы находим следующий пассаж: «Но если везде поступательное движение общества было то же самое, какое оно было в трех генерациях нашей родовой линии, то нельзя не подивиться величине расстояний, лежащих между дедом, его сыном и внуком <...>. Только у нас понятно явление, что между дедом и внуком, отцом и сыном нет ничего общего по образованию. В других странах не встретишь столь изумительного факта: там одно поколение уходит не так далеко от предыдущего, не так далеко отстает от последующего; там отец понимает, чем выше он своего отца и чем ниже своего сына; члены последовательных генераций подают один другому руки; между ними нет крайней разрозненности, доходящей до противоположности, нет такого резкого отчуждения, при котором родные по плоти становятся посторонними по духу».⁹³

Как представляется, именно подтверждению этой прогрессистской идеи развития и подчинено развертывание текста Галахова. На эту идею и «работает» автобиографический материал. Малограмотная, чтущая предания бабушка, описанная в сравнении с героиней комедии Д. И. Фонвизина Простаковой (что неслучайно, ведь Галахов был также исследователем литературы XVIII века), дедушка, который «потешался двумя забавами: дракою гусей да узкими сапогами», затем идут родители, стоящие «несколькими ступенями выше и по врожденным дарам, и по известному образованию», но расстроившие, однако, имение. И третье поколение в лице героя произведения, приводящего унаследованные качества в систему. А личные качества героя важны, как элемент историсофской схемы, но не как самоценный объект описания, что свойственно мемуарам.

Таким образом, в сороковые годы перед Галаховым не стоит задачи создать мемуары в понимании, например, Белинского: мемуары как

---

⁹³ Отечественные записки. 1847. №12. Отд. I. С. 302.

исторический документ, где отражено то, что видел и слышал человек. Однако Галахов использует ту же автобиографическую модель, что и Герцен, но с определенными изменениями.

В начале текстов двух авторов постулируется установка на изображение «развития духа», душевной жизни субъекта, что является ориентацией на метод «Исповеди» Руссо.

Неслучайна схожесть формулировок в произведениях. Например, «Кто жил умом и сердцем <...>, — тот совершил кое-что» у Герцена и «Кто пережил ряд мыслей, тот может сказать, что он не только жил, но и жил долго» у Галахова. Последний, наверняка был знаком с текстом Герцена, и «Записки человека» могли быть реакцией на герценовское произведение.

И Герцен, и Галахов в начале своих произведений указывают модель автобиографического повествования, на которую они ориентируются, — модель Руссо. Однако в своих произведениях они предлагают разные интерпретации этой модели. Герцен создает повесть в форме автобиографии, которая согласуется с его пониманием человека в истории или «апофеозом личности», а Галахов использует автобиографические стратегии с целью развертывания своей концепции прогрессивного развития.

Руссоистская модель в тексте Галахова трансформируется в связи с тем, что в тексте развивается определенная историко-философская концепция, которая проходит через все произведение (даже через вторую его часть). Идея прогресса, которая подтверждается условно «личным опытом», является доминантой «Записок человека». Как представляется, это соотносится с историко-философскими взглядами Галахова, выражение которых мы находим в том числе и в его хрестоматиях.

Герцен и Галахов, предлагающие разные интерпретации, отличаются вместе с тем от того же Белинского, который требует от мемуаров некой «исторической объективности» и на Руссо не опирается.

Заключение

Мы разобрали автобиографические модели русской прозы 1840-х годов XIX века на материале различных публикаций в журнале «Отечественные записки» и выяснили, что даже внутри круга сотрудников журнала имели место совершенно разные понимания автобиографического жанра.

В критике «Отечественных записок» воплощается понимание автобиографического текста как объективного исторического документа, с минимальным выражением авторского «я» в тексте. Это понимание, по всей видимости, связано с гегельянскими взглядами В. Г. Белинского в 1840-е годы и связанным с этим поворотом к «реальной действительности».

Гегельянской модели автобиографизма, теоретически заявленной в критике «Отечественных записок», не соответствует практика автобиографического письма в журнале. В 1840-1841 гг. на страницах «Отечественных записок» публикуется произведение «Записки одного молодого человека» Герцена, повесть, в которой обыгрываются стратегии автобиографического текста. Несмотря на то, что текст, по нашему мнению, является именно повестью, в нем реализуется определенная автобиографическая модель, в которой трансформируется модель «Исповеди» Руссо. Герцен создает повесть в форме автобиографии, которая согласуется с его пониманием человека в истории, которое было названо Г. Шпетом «апофеозом личности».

Третья модель автобиографизма реализуется в тексте другого сотрудника «Отечественных записок» А. Д. Галахова. Это «Записки человека», публикующиеся в 1847-48 гг. Галахов, откликаясь на герценовский текст, также использует руссоистскую модель, подвергая ее собственной трансформации.

Автобиографическая модель Руссо в тексте Галахова изменяется в связи с тем, что в тексте развивается определенная историко-философская концепция прогрессивного развития. Идея прогресса, которая подтверждается условно «личным опытом», является доминантой «Записок

человека».

Рассмотрев автобиографическую традицию в пределах одного лишь журнала в течение одного лишь десятилетия, мы обнаружили, что на этапе формирования происходила активная рефлексия, выраженная, например, в таких произведениях неоднозначного характера, как тексты Герцена и Галахова, авторы которых впоследствии создали свои «большие» мемуары.

После смерти Белинского в близкой ему среде происходило переосмысление многих его идей (хотя начало этого процесса можно отнести еще к 1847 г.). Одной из возможных перспектив нашего исследования может быть рассмотрение того, как изменились формы описания автобиографии с приходом в «Отечественные записки» новых людей, как В. Н. Майков и С. С. Дудышкин.

Примечательно, что в 1850 г. в «Отечественных записках» публикуется «Дневник лишнего человека» И. С. Тургенева, повесть, написанная в форме дневника. Проанализировав, как она была встречена критиками, можно сделать выводы о происходящих в это время процессах в литературном сообществе, как, например, полемика «Современника» и «Отечественных записок».

Так, например, в письме от 21 февраля 1851 г. Е. М. Феоктистов описывает Тургеневу, как была встречена его повесть читателями-литераторами (среди которых были Островский и Писемский): «упрекали ее в недостатке художественности — именно говорили, что за остротами г. Чулкатурина беспрестанно видны Вы сами».⁹⁴

Еще одной перспективой нашего исследования может быть рассмотрение реализации и трансформации выделенных нами автобиографических стратегий в творчестве Л. Н. Толстого, так и не сумевшего создать законченный автобиографический нарратив, но как никто другой осмыслявшего этот процесс.⁹⁵

---

⁹⁴ Цит. по Дубовиков А. Н., Дунаева Е. Н. <Комментарии> // Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Т. 4. М., 1980. С. 590.

⁹⁵ *Paperno I.* «Who, What Am I?»: Tolstoy Struggles to Narrate the Self. N.Y., 2014. 229 p.

Таким образом, в нашей работе мы осветили только один эпизод в сложном процессе становления автобиографической традиции и ее рефлексии в русской литературе; изучение этих вопросов может быть продолжено и углублено в дальнейшем.

Список литературы

Источники

1. *Белинский, В.Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. - М.: Изд-во Академии наук СССР, 1953-1959.
2. *Берхгольц, Ф.В.* Дневник камер-юнкера // Отечественные записки. - 1843. - №1. - Отд. II. - С. 1-30.
3. *Булгарин, Ф.В.* Воспоминания Фаддея Булгарина: Отрывки из виденного, слышанного и испытанного в жизни. - Ч. 1. - СПб.: М.Д. Ольхин, 1846. - 722 с.
4. *Галахов, А.Д.* Записки человека. - М.: Новое литературное обозрение, 1999. - 448 с.
5. *Герцен, А.И.* Собр. соч.: В 30 т. - Т. 1: Произведения 1829-1841 годов. - М.: Изд-во Академии наук СССР, 1954. - 574 с.
6. *Долгоруков, Ю.В.* Записки // Отечественные записки. - 1840. - №12. - Отд. II. - С. 39-46.
7. *Лермонтов, М.Ю.* Собр. соч.: В 4 т. - Т. 4: Проза. Письма. - Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1981. - 591 с.
8. <Без подписи> «Записки Желябужского с 1682 по 2 июля 1708» // Отечественные записки. - 1840. - №6. - Отд. VI. - С. 62-70.
9. <Без подписи> «Записки русских людей. События времен Петра Великого» // Отечественные записки. - 1842. - №2. - Отд. V. - С. 53-70.
10. <Без подписи> «Записки артиллерии майора Михаила Васильевича Данилова, написанные им в 1771 году» // Отечественные записки. - 1842. - №11. - Отд. VI. - С. 17-19.
11. <Без подписи> «Записки Семена Порошина» // Отечественные записки. - 1844. - №11. - Отд. VI. - С. 19-28.
12. <Без подписи> «Воспоминания Фаддея Булгарина» // Отечественные записки. - 1846. - №5. - Отд. VI. - С. 40-53.
13. <Без подписи> «Воспоминания Фаддея Булгарина. Часть

- третья» // Отечественные записки. - 1847. - №1. - Отд. VI. - С. 65.
- 14.<Без подписи> «Воспоминание. Из записок издателя “Русского чтения” Сергея Глинки» // Отечественные записки. - 1847. - №1. - Отд. VI. - С. 65-67.
- 15.*Сто-один.* «Из записок человека: (П.Н. Кудрявцеву)» // Отечественные записки. - 1847. - №12. - Отд. I. - С. 300-312.
- 16.*Сто-один.* «Из записок человека: (Второй отрывок)» // Отечественные записки. - 1848. - №4. - Отд. I. - С. 218-226.
- 17.<Без подписи> «Воспоминания Фаддея Булгарина. Части четвертая и пятая» // Отечественные записки. - 1848. - №4. - Отд. VI. - С. 105-115.

Научные работы

1. *Билинкис, М.Ю.* Русская проза XVIII века: Документальные жанры. Повесть. Роман. - СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995. - 102 с.
2. *Бурдые, П.* Поле литературы // Новое литературное обозрение. - 2009. - № 45. - С. 22-87.
3. *Вдовин, А.В.* Концепт «глава литературы» в русской критике 1830-1860-х годов. - Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2011. - 238 с.
4. *Вдовин, А.В. Лейбов, Р.Г.* Хрестоматийные тексты: русская поэзия и школьная практика XIX столетия // Acta Slavica Estonica IV. Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение, IX. Хрестоматийные тексты: русская педагогическая практика XIX в. и поэтический канон. - Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2013. - С. 7-34.
5. *Гегель, Г.В.Ф.* Эстетика. - М.: Искусство, 1969. - Т. 2. - 326 с.
6. *Гиллельсон, М.И.* Лермонтов в оценке Герцена // Творчество М.Ю. Лермонтова: 150 лет со дня рождения, 1814-1963. - М.: Наука, 1964. - С. 364-394.
7. *Гинзбург, Л.Я.* <Комментарии> // Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. - Т. 1: Произведения 1829-1841 годов. - М.: Изд-во Академии наук СССР, 1954. - С. 511-517.

8. *Гинзбург, Л.Я.* «Былое и думы» А.И. Герцена. - М.: Гослитиздат. Ленингр. отд-ние, 1957. - 374 с.
9. *Гинзбург, Л.Я.* О психологической прозе. - М.: INTRADA, 1999. - 415 с.
10. *Долинин, А.С.* Герцен и Белинский. (К вопросу о философских основах критического реализма сороковых годов) // Учен. зап. Ленингр. пед. ун-та. - 1954. - Т. 9. Фак. языка и лит. - Вып. 3. - С. 39-76.
11. *Дубовиков, А.Н., Дунаева, Е.Н.* <Комментарии> // Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. - Т. 4. - М.: Наука, 1980. - С. 585-596.
12. *Еремеев, А.Е.* Хронотоп как организующий принцип построения «Записок одного молодого человека» А.И. Герцена // Вопросы фольклора и литературы. - Омск: Изд-во ОмГПУ, 2003. - С. 111-116.
13. *Жирмунский, В.М.* Гете в русской литературе. - Л.: Гослитиздат, 1937. - С. 674.
14. *Зарецкий, Ю.П.* Стратегии понимания прошлого: Теория, история, историография. - М.: Новое литературное обозрение, 2011. - 384 с.
15. *Мельникова, Г.И.* «Записки одного молодого человека». Замысел и обретение жанровой завершенности. - Киров: Изд-во ВГПУ, 1998. - 72 с.
16. *Нович, И.С.* Молодой Герцен: страницы жизни и творчества. - М.: Советский писатель, 1986. - 382 с.
17. *Рейтблат, А.И.* Фаддей Венедиктович Булгарин: идеолог, журналист, консультант секретной полиции: Статьи и материалы. - М.: Новое литературное обозрение, 2016. - 632 с.
18. *Савкина, И.Л.* Разговор с зеркалом и Зазеркальем: Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века. - М.: Новое литературное обозрение, 2007. -

416 с.

19. *Тартаковский, А.Г.* Русская мемуаристика и историческое сознание XIX века. - М.: Археографический центр, 1997. - 357 с.

20. *Тынянов, Ю.Н.* О литературной эволюции // Поэтика. История литературы. Кино. - М.: Наука, 1977. - С. 270-281.

21. *Усакина, Т.И.* Повесть Герцена «Записки одного молодого человека» // Проблемы изучения Герцена. - М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. - С. 147-171.

22. *Шпет, Г.* Философское мировоззрение Герцена. - Петроград: Колос, 1921. - 106 с.

23. *Lejeune, Ph.* On autobiography // Theory and History of Literature. Vol. 52. - Minneapolis: University of Minnesota Press, 1989. - 320 p.

24. *Lejeune, Ph.* On diary. - Honolulu: University of Hawaii Press, 2009. - 365 p.

25. *Paperno, I.* «Who, What Am I?»: Tolstoy Struggles to Narrate the Self. - N.Y.: Cornell University Press, 2014. - 229 p.

26. *Terras, V.* Belinskij and Russian Literary Criticism: The Heritage of Organic Aesthetics. - Madison: University of Wisconsin Press, 1974. - 384 p.